

Ты Мне
ОБЕЩАЛ

Эшли
Дьюал

LOVE
STORY

16+

Эшли Дьюал Ты мне обещал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57142390

SelfPub; 2020

Аннотация

Трой обещал мне, что мы всегда будем вместе, а потом исчез из моей жизни, словно нас ничего не связывало. Было ли мне плохо? О да! Но, наконец, мне представилась возможность начать все сначала. Новый универ, новые друзья и... Трой МакКалистер собственной персоной! Что он здесь забыл? Ну уж нет, на этот раз я не поверю его обещаниям!

Расставаясь, не прощайтесь.

Ты показала лучшее, что во мне есть, ту часть меня, о которой я не подозревал.

Ты взяла мою душу и очистила её.

Когда любишь – всегда кажешься немного сумасшедшим.

КИТТИ

Жизнь продолжается в любой ситуации. Даже тогда, когда она сложная, даже тогда, когда дышать невыносимо, и даже тогда, когда ты ни в чем не видишь смысла. Она не спрашивает: остановить время? Не спрашивает: повернуть его вспять? Она просто идет дальше, а тебе только и остается, что нестись за нею вслед, иначе совсем потеряешься.

Есть некоторые смертные, которые идут с жизнью за руку. У них все отлично. Точнее, нет. Все просто. Обыкновенно и размеренно. Есть и те, кто выбегает вперед. Им жить сложнее, однако интереснее.

Я же далеко позади этой прозрачной материи. И я стараюсь догнать ее, но каждый раз спотыкаюсь о корни, которые прорастают из моего прошлого.

Могу вас заверить, воспоминания исчезают очень и очень медленно, в особенности тогда, когда вы изо всех сил пытае-

тесь от них избавиться. Да и кто вообще способен сразиться со своей памятью? Говоришь и говоришь – каждый день – хватит! Остановись! Достаточно! Но она как сидит в твоей голове, так и продолжает там скрестись.

– Ты меня слушаешь?

Я киваю, пусть абсолютно и не улавливаю смысл маминых слов.

Всю дорогу до колледжа, она рассказывает, как правильно себя вести, как одеваться, как говорить, как учиться, как есть, дышать, спать. Такое чувство, будто мне пять лет!

– И постарайся найти друзей.

Уж постараюсь. Лишь бы еще они захотели найти меня.

О том, что теперь я буду учиться в Брауновском университете, я боюсь даже думать. Я уже и забыла, что это такое, когда на тебя не смотрят косо, когда никто не кричит тебе в след очередную шутку в стиле: посмотри под ноги – там твое будущее. Когда за столиком тебя не обволакивает пугающая тишина, а за партой – на удивление полно места. Мне трудно вспоминать о том времени, но я ничего не могу с собой поделаться. Возможно ли, скрыться от собственных мыслей? Они ведь постоянно в моей голове. Куда бы я ни пошла и что бы я ни делала.

– И про это, конечно, тоже не забудь.

– Про что?

– Китти! Не витай в облаках. Ты в порядке?

– Конечно, да. – Конечно, нет! Как можно спокойно пере-

ехать в новый город? Да, я понимаю: это освобождение от прежних оков. Никаких тебе старых мест, старых лиц. Но все равно сердце в груди стучит так дико, что даже неприятно. – Так о чем ты говорила?

– О том, чтобы ты писала мне каждые выходные. Я надеюсь, у тебя все сложится в Провиденсе. Просто забудь про то, что угнетало тебя в Ричмонде. И проблемы сами собой улетучатся. Договорились?

Я натянута улыбаюсь.

Мои родители были уверены: я разбилась на сотни частей, как уродливая ваза, и больше никогда не приму прежнего облика. Возможно, они правы. Иногда мне кажется, что теперь в зеркале я вижу совсем другого человека. И спрашивается: по какой причине? Разве то, что случилось со мной, калечит жизни, уродует, ломает? Нет. Однако мне словно перекрыли кислород. Я будто дышать перестала два года назад, и теперь уже и не знаю, как все исправить.

В Провиденс я приезжаю рано утром. Мама высаживает меня около общежития, и я минут пятнадцать уговариваю ее не идти следом.

– Пойми, – настаиваю я, – это совсем не круто. Если ты хочешь, чтобы я нашла нормальных ребят, не устраивай сцен. Пожалуйста!

– Но я ведь должна увидеть твою комнату, соседку, и...

– Мам, – обнимаю ее и громко выдыхаю, – все будет в порядке.

Не знаю, кого именно я пытаюсь успокоить. Мамины руки неуверенно сжимаются за моей спиной, и мне приходится ценой огромных усилий сдерживать слезы. Прошедшие два года были пыткой, в какой-то мере благодаря моим родителям. Однако сейчас я понимаю, я не хочу прощаться. У меня ведь больше никого нет.

– Звони! – вновь наставляет мама. – И прошу тебя, Китти, не вздумай связываться с кем-нибудь похожим на...

Она запинается.

И правильно делает.

Тут же во мне что-то щелкает, и я отстраняюсь.

Когда же упоминания *о нем* перестанут кромсать внутри мои органы?

Еще раз обнявшись, мы прощаемся, и, наконец, я оказываюсь лицом к лицу с огромным, кирпичным зданием темно-бардового цвета. Что ж, поехали.

Согласно письму, которое мне выслали относительно недавно, моя комната находится на четвертом этаже, и делить я ее буду с какой-то англичанкой. Папа уже столько шуток придумал по этому поводу: и что у нее сто процентов кривые зубы, и что она обязательно будет водить к себе друзей-ирландцев, и что в общежитии не утихнут звуки их национальной чечетки. Ох, чего он только не наговорил. На са-

мом деле, я думаю, он просто пытался меня поддержать.

– Так, – шепчу себе под нос, несколько раз сжимая в пальцах ремень сумки. Стоять перед закрытой дверью – не лучший способ завести друзей. Но как побороть свой страх? Да и что может быть ужаснее первого впечатления?

– Рассматриваешь?

– Что? – я резко оборачиваюсь.

– Дверь. Чего уставилась?

– Жду. – Говорить я определенно разучилось. Попытка номер два. – Точнее я искала ключи. Никак не могу их достать. Сумки тяжелые.

– Так поставь их.

– Кого?

– Сумки.

У незнакомки огромные, карие глаза, и на данный момент они испепеляют меня искренним недоумением. Интересно, я, действительно, отстойно выгляжу, или пренебрежение в ее взгляде – напускное? Надеюсь, мы не соседи.

– Кажется, мы соседи.

Отлично!

– А ты разве из Англии?

– А ты пройдешь когда-нибудь в комнату, или мы так и будем стоять здесь до самого выпускного? Одно разочарование за другим! Святой Аврелий, неужто ничего из этой идиотской бюллетени не сбудется? Обещали нормальное общежитие с нормальными душевыми кабинками и нормальными

ми соседями.

– А на деле?

– Отстой на деле.

Наконец, девушка отпирает дверь. Энергичной походкой она врывается в комнату и неожиданно плюхается прямо лицом на кровать. На *розовую* кровать.

Помещение такое светлое, что я морщусь. Бросаю около пустой постели чемоданы и решительно задергиваю шторы. Так лучше.

– Я не для того сбежала из вечно серого Ливерпуля, чтобы скрываться от солнца.

– Так ты все-таки из Англии.

– Именно. Тебя смутили мои светлые волосы? Мелочи. Зато куча веснушек на носу. Ты ведь знаешь, что это проклятие для англичанки?

– Seriously? Почему?

– Потому что это неестественно. – Моя новая знакомая переворачивается на спину и переводит в мою сторону пронзительный взгляд. – С какой стати веснушкам появляться на моем бледном лице? У нас ведь практически не бывает солнечных дней. Это такое же необъяснимое явление, как и рождение людей-альбиносов!

– Мне кажется, ты преувеличиваешь.

– Тебе кажется.

Со вздохом я усаживаюсь на кровать и медленно осматриваю комнату. И сколько же дней я проведу здесь? Сколько

часов? Сколько новых мыслей придет ко мне в голову, когда я буду лежать на этой кровати или писать за этим столом. Сколько всего может измениться, и сколько всего *уже* изменилось.

– Тебя как зовут?

– Меня?

– Нет, меня! Ты чудная какая-то, – усмехается девушка. Она поправляет ярко-розовое одеяло и вновь бросает на меня недоуменный взгляд. Наверно, пытается раскусить.

– Я – Китти.

– Имя у тебя еще более чудное! Почему не Джессика или не Ребекка? Твои родители фанаты Хелло Китти?

– Кого?

Моя соседка стонет. Она хватается руками за подушку и так резко приставляет ее к своему лицу, что мне становится страшно. Вдруг еще задохнется?

– Ты сбежала из деревни? Говори сразу, потому что меня назвали в честь великого британского дизайнера, и я, знаешь ли, не стерплю невежества.

– Ну, в таком случае, мне тебя жаль, ведь я – само воплощение необразованности.

Блондинка удивленно вскидывает брови, а я хмурю лоб. Стоит ли ей знать о том, что раньше я была совсем другой? Стоит ли ей знать о том, что я так пыталась замкнуться в себе, что теперь попросту отключилась?

Нет. Не стоит.

– А тебе палец в рот не клади, – неожиданно подводит итог соседка. Она встает с кровати и останавливается прямо перед моим носом. Я уже жду ее слов о том, что теперь она каждую минуту своей невообразимо значимой жизни проведет в думах о том, как бы изощренно и необычно испортить мне настроение. Однако происходит совершенно иное. Девушка вдруг усмехается и протягивает вперед руку. – Рада, что ты умеешь огрызаться. Иначе я бы полностью разочаровалась в американском гостеприимстве. Я – Стелла.

– Круто.

– Круто, – эхом повторяет блондинка. – Похоже, нам придется поработать над твоим словарным запасом.

– А мне, похоже, придется смириться с тем, что мое личное пространство граничит с розовой планетой.

– Не зарекайся! Еще никто не был против знакомства со Стеллой Бишоп. Обычно я изменяю жизни. Ты готова измениться?

Неожиданно я усмехаюсь, чего не делала уже целых два года. Соседка довольно кривит губы, а я растерянно замираю. Неужели я не разучилась улыбаться?

– Знаешь, я думаю, родители называли тебя в честь одной из сестер Беннет. Ты ведь читала «Гордость и предубеждение»? Автор – Джейн Остин, которая англичанка к слову.

– Конечно, читала. Только причем тут Китти? Она была самовлюбленной и дикой, вечно говорила невпопад...

– Только не рассказывай, что ты сразу родилась такой хму-

рой. Тут какая-то история, я чувствую! Интуиция у меня в Агату Кристи, она тоже англичанка. – Стелла подходит к зеркалу и связывает в пучок золотисто-медовые волосы. Все ее движения такие уверенные и плавные, что мне становится не по себе. – Ты идешь?

– Куда?

– Обследовать тут все. Мы должны найти точки.

– Что еще за точки? – ошущаю себя умственно-отсталой семилеткой, задавая одни лишь вопросы, но рядом с этой мисс-бишоп-коренной-англичанкой иначе не выходит.

– Как какие? А где мы будем пить чай – кофе я ненавижу. Где будем отдыхать после пар, куда пойдем вечером? Это – точки. Точки локации на ближайшие несколько лет.

– Я лучше здесь посижу, устраюсь. – Скромно откашливаюсь и киваю. – Но ты иди, потом расскажешь, что нашла.

– Китти, новая жизнь не начнется, если ты не выйдешь за дверь.

– Все в порядке. Я хочу разложить вещи.

– Знаешь, как говорят у нас в Англии? Лучше одна птичка в руках, чем две в кустах.

– Лучше синица в руках, чем журавль в небе?

– Нет! Что еще за журавль в небе? Тебе срочно нужно подтянуть свои знания, дорогая моя Китти. Ладно, ты идешь? – Я качаю головой. – Как хочешь!

Стелла уходит, и я, наконец, остаюсь наедине с собственными мыслями. Свобода. Никаких тебе английских погово-

рок, никаких нравственно-побуждающих речей. Откуда она такая взялась. Уверенная в себе, яркая, болтливая. Наверно, богатая. Правда, в таком случае, что она делает здесь? Или у них в Англии перевелись элитные университеты?

С грохотом падаю на кровать и впяливаю взгляд в потолок. Он странного, грязно-бежевого цвета. Навивает лишь тоску. Но лучше так, чем до боли знакомые звезды в моей комнате. Если честно, меня тошнит от моей прежней жизни, тошнит от нежно-голубой спальни, от друзей, от вечно сопутствующего ощущения недосказанности, будто я жила, жила, а затем в миг впала в кому.

– Так что не такой уж и плохой потолок, – бурчу себе под нос, скрепив на груди руки. И к нему можно привыкнуть. Более того, даже с ярко-розовой стороной коморки можно смириться. Конечно, если постараться.

Быстрым движением стягиваю с ног кроссовки и надеваю балетки. Если и начинать меняться, то прямо сейчас.

– Стелла! – кричу я и несусь следом за ней из общежития.

Не получилось одно – пробуйте другое. Не получилось заставить Стеллу Бишоп прекратить свои страстные расспросы, переключите ее внимание на то, как классно и обворожительно она выглядит! Это, действительно, работает. Уже вторую неделю моя соседка пытается проникнуть внутрь мо-

его мозга, и я ловко выворачиваюсь, неожиданно заметив, как отлично уложены ее волосы, или как красиво покрашены глаза. Иногда приходится прибегнуть к крайностям, и я искренне – почти – восхищаюсь отсутствием у нее акцента. Это ложь, конечно. На самом деле, Стелла тараторит так быстро, что я не успеваю расчленять ее английские, заморочестые выражения.

– Быстрее! – ворчу я.

Стелла собирается уже целую вечность. Возится со своими волосами и пятый раз мажет лицо тональным кремом. Не понимаю, почему я вообще согласилась идти вместе? Мы ведь не обязаны бродить за ручку.

– Моя дорогая Китти, повторяю в сотый раз, даже когда я закончу укладывать эти изумительные локоны, мы никуда не пойдем.

– О, ну хватит.

– Не пойдем, пока ты не переоденешься! Святой Аврелий, мы же не в монастырь на службу наряжаемся! Это первый день. Он важный.

– Чем же?

– Всем, Китти. Абсолютно всем. Неужели у тебя других вещей нет?

– Стелла...

– Переоденься.

– Но...

– Переоденься! Иначе я буду накручивать волосы до кон-

ца твоей жизни!

Иногда эта девушка так сильно меня раздражает, что хочется кинуть в нее чем-то тяжелым! А иногда бывает и такое, что я воспринимаю ее причуды как «божественные знаки свыше». Возможно, если бы не Стелла, я бы больше никогда не почувствовала себя нормальным подростком.

– Ладно! – рывкаю и открываю шкаф. До начала занятий осталось меньше двадцати минут, а блондинку заботит мой наряд! Ну, где это видано?

Нахожу под стопкой бесформенных кофт шифоновое платье в цветочек. Когда я в последний раз его надевала? Да, и как оно вообще оказалось в моей сумке? Неужели мама подбросила? Вокруг одна подстава. Накидываю сверху джинсовку и натянуто улыбаюсь:

– Довольна?

– Определенно.

На занятия мы сильно опаздываем. Учитель по прикладному искусству минут десять отчитывает нас за халатную безответственность, а затем, позволив нам занять места, рассказывает о смысле учебы и о том, как важно самостоятельно добывать знания.

Не верю не единому его слову.

Так уж вышло, что последние два года, я училась отвратительно. Какой толк от занятий, если больше не планируешь ничего достигать? Всю мою сознательную жизнь я мечтала о Джульардской школе искусств. А затем... затем я про-

сто забыла. Забыла о грехах, забыла о желаниях. К черту все стремления. Правда, даже с таким настроем я поступила в Брауновский университет. Каким образом? Семейная тайна.

– Тебе не кажется гениальным, что нас поместили в одну комнату? – щебечет Стелла, пока мы идем на следующую пару. Вокруг столько людей, что не протолкнуться. И мне становится жутко некомфортно. То и дело прижимаю к груди книжки, стараясь дышать ровно и невозмутимо. – Ты в порядке?

– Да, все отлично.

– Уверена? Лицо бледное.

– Нет, правда. Все хорошо.

Стелла чувствует, когда я обманываю, ведь помимо интуиции Агаты Кристи, у нее отлично развито воображение, как и у Эдгара Уоллеса, *который тоже, между прочим, англичанин*. Я все пытаюсь сбить проворную мисс Бишоп со следа, но держать оборону круглосуточно сложновато, и поэтому мое стойкое равнодушие дает трещину.

– Ты все-таки бледная. Что случилось?

– Ничего, Стела.

– Не обманывай. Я же вижу. Тебе не по себе.

– Да, не по себе! – так и хочется удариться головой о стену. Кто меня за язык тянул? Теперь придется объяснять. – Просто...

– Что?

– Просто я не люблю, когда вокруг много людей. Не люб-

лю, когда на меня смотрят.

– Ооо, – тянет блондинка, будто и вправду понимает, о чем идет речь. Действительно ли она понимает? Сомневаюсь. По-моему, эта особа обожает, когда внимание приковано к ее шикарной, изящной фигуре. – Что ж, отлично. В таком случае, я могу не волноваться, что ты перетянешь на себя одеяло.

– Мне это и не нужно.

– А зря.

Вторая половина дня проходит в тумане. Я не помню, как перемещаюсь по классам, просто следую по течению, держась рядом с мисс-само-очарование. Когда мы приходим в кафетерий, к нам присоединяются еще пара человек, и если честно, я понятия не имею, где и когда Стелла успела их обработать.

– Улыбнись, – настойчиво советует она, становясь за мной в очередь. – Иначе не привлечешь внимание какого-нибудь красавчика.

– И, слава богу. Мне достаточно и того, что тебе повезло.

– Это да. Мой американец – просто лапочка!

И тут я отключаюсь.

Я всегда отключаюсь, когда люди начинают говорить о парнях, об отношениях, о бесконечной любви и о прочей сопливой дребедени. Просто не могу их слушать. Обычно мне становится так паршиво, что я готова не просто сквозь землю провалиться, но и сквозь всю планету. И это малая

толика того, что со мной происходит.

Стелла все говорит и говорит, и я все киваю и киваю, и со стороны, кажется, будто мы живо болтаем, тогда, как на деле я пересчитываю в уме таблицу умножения. Ставлю на поднос салат и киваю Стелле. Похожу к напиткам и киваю Стелле. Оплачиваю еду, и что делаю? Киваю Стелле.

– А потом он позвал меня в кино!

– Как классно!

Уверена, эту историю она ведаёт мне каждый раз, когда я намеренно перестаю слушать. Поворачиваюсь лицом к столикам, нахожу свободное место, и вдруг...

О, Боже мой. Первые несколько секунд я не могу пошевелиться. Руки покалывает, сводит, а я сжимаю пальцами поднос, надеясь прийти в чувство, но не могу даже моргнуть. Этого попросту не может быть! Нет, нет, нет! Грудь ошпаривает. Щеки вспыхивают. Я вновь та беззащитная девушка, которая разбилась на сотни осколков, столкнувшись с непониманием, с предательством, с одиночеством. Отвожу взгляд в сторону, а затем вновь поднимаю его, не веря собственным глазам.

Как же такое возможно?

Два года становятся одной, мимолетной секундой, которая проносится перед моими глазами и вонзается стрелой в сердце. Я больше не могу находиться здесь. Не могу!

Резко ставлю поднос на стол и срываюсь с места.

ТРОЙ

– Ты в облаках витаешь, принцеска?

Лениво поворачиваю голову и смотрю на широкое лицо друга.

Джейк надоедливый. Он постоянно пытается разговорить меня, хотя особого желания болтать попусту я никогда не имел. Промолчи – сойдешь за умного.

– Я тебя слушаю, – спокойно вру я, а затем снова перевожу взгляд в ту сторону, куда смотрел минуту назад. *Она здесь.* Не может быть. Скорее всего, я просто сошел с ума. Отпиваю кофе, рассеянно передергиваю плечами и вновь гляжу на девушку.

– Черт.

– Что?

– Ничего, – рывкаю и стискиваю зубы.

Первый день учебы, и уже такой неприятный сюрприз. Джейк продолжает что-то бормотать про свою дорогую девушку, но я не слушаю. Смотрю на нее: на ней легкое весеннее платье в цветочек, поверх него джинсовая куртка, а на ногах сапоги. Она выглядит, как всегда. Красиво, ослепительно, божественно.

Она меня замечает. В первые несколько секунд она удивлена. Смотрит так, словно хочет подойти, но что-то ей мешает. Ах да, огромная пропасть между нами. Затем ее руки нервно теребят поднос с едой. Она отводит взгляд, через се-

кунду снова возвращает его обратно. Я же смотрю, не отрываясь.

Она по-настоящему красивая.

Не такая, как все.

– Кто это, – слышу бормотание Джейка, – чего ты уставился?

Не отрываю взгляд. Ни на секунду. Перебираю пальцами волосы, ни один мускул на лице не дергается. А она все смотрит, смотрит, смотрит, вдруг громко ставит поднос с едой на стол и бежит прочь из кафетерия. Шумно выдыхаю. Будто груз свалился с души, будто меня отпустило после принятия крутого наркотика.

Так лучше. Намного.

– Эй, ты чего, Трой? Отомри.

Я резко поднимаюсь из-за стола.

– Трой!

Лицо Джейка удивленное. Наверно, он впервые видит меня сбитым с толку. Да, я и сам уже забыл, как это, когда тело пронзает электричеством. О, Китти. Что же ты здесь делаешь? Выношусь из кафетерия, запрыгиваю на мотоцикл и завожу двигатель так резко, что колеса неприятно взвизгивают. Хочу унестишь отсюда как можно дальше, ведь мысли об этой девушке пробуждают во мне старые чувства, а я пообещал забыть о них.

Я пообещал выкинуть мысли о Китти Рочестер из головы, и я сделаю это.

КИТТИ

Врываюсь в комнату. Громко хлопаю дверью и замираю, будто вкопанная. Что это было? Как такое возможно? Это был Трой? Трой МакКалистер?

– Нет, – шепчу себе под нос, – не может быть!

Человек, перевернувший с ног на голову мою жизнь, здесь. *В моем университете. На моей чистой странице.* Я должна была начать все заново! Должна была забыть о нем, избавиться от воспоминаний о наших чувствах, наших словах и обещаниях.

– О, Боже.

Я слабо покачиваюсь. Больше всего ранят именно чувства. Это так несправедливо, когда морально истощить себя может только сам человек.

Воздух вновь испаряется. Я больше не могу дышать. Столько времени пытаться измениться, и сломаться в *одну* секунду, в *одно* жалкое мгновение лишь от *одного* знакомого взгляда.

Закрываю ладонями лицо и беззащитно скатываюсь на пол. Я не плачу – слез не осталось. Я просто крепко зажмуриваюсь и пытаюсь отключиться, потонуть в этой крошечной темноте и больше никогда глаза не открывать. Интересно, так можно?

– Китти? – Стелла стучится в дверь. – Китти? Открывай!

Что случилось?

Не хочу двигаться. Опускаю вниз руку, касаюсь пальцами холодного, шершавого пола и смотрю в квадратное окно, из которого лениво пробираются внутрь лучи солнца. Сегодня они тусклые. Такие, как надо; как мне нравится.

– Китти!

Если притвориться, можно не замечать, как тянется время. Можно не замечать, как больно и как трудно. Но это только в том случае, если хорошо притвориться, и если не испугаться последствий, которые определенно настанут в виде опасного равнодушия и холодности. Однако кого это волнует? Вновь забыть про окружающий мир? Вновь стать безвольной куклой, которая просыпается по утрам с целью поскорее приблизиться к тому моменту, когда просыпаться не придется? Хорошо. Как скажете. Все, что угодно, лишь бы выжить. Правильно?

– Китти! Святой Аврелий, открой дверь! Или я ее выломаю!

Любила ли я Троя МакКалистера? *Нет.*

– Да, – шепчу и закрываю глаза.

Любила так, что от этого было больно. Любила так, что физически ощущала нашу разлуку, и каждый день ждала его возвращения. Любила ли я его? Безмерно. Как в тех самых историях, когда полностью забываешь о себе, когда прыгаешь в отношения, будто в пустой бассейн и не боишься разбить голову, пусть и ждешь этого. Я любила Троя МакКали-

стера так, как никогда и никого в своей жизни не любила.

– Китти!

Любил ли он меня? Нет.

Поднимаюсь на ноги и неуверенно открываю дверь. Стелла врывается внутрь, будто торнадо и расширяет свои и без того огромные глаза.

– Ты что делаешь? Американка-сумасшедшая! Я уж думала, ты тут вены режешь!

– Не выдумывай, – потираю плечи и сжимаю в кулаки руки, – все нормально.

– Нормально? Ты сбежала! Что случилось? Почему ты не открывала дверь?

– Просто так.

– О, Китти, скажи, наконец, правду!

– С какой стати, Стелла? – заведено вспыхиваю я. – С какой стати мне делиться этим с тобой? Это личное. Вот и все. Сейчас я в порядке.

– Неужели ты не понимаешь, что ведешь себя странно?

– И?

– И? – блондинка неуклюже поправляет юбку. Видимо, я совсем сбила ее с толку, что трудно сделать. – Китти, почему ты сбежала?

– Стелла, – громко выдыхаю, – не твое дело.

И выхожу из комнаты.

ТРОЙ

Два года назад

– Что за хрень с тобой происходит? – ревет отец, размахивая перед моим лицом бутылкой. Из темного горлышка вырываются капли пива. – Ты разбил тачку.

Была бы моя воля, я бы разбил ему и лицо.

– Так вышло, – отрезаю я, обхожусь его стороной и иду к выходу.

На ходу хватаю куртку. Собираюсь спуститься по лестнице, но вдруг чувствую сильный удар в спину и налетаю на стену.

– Ты грязный ублюдок!

Крепко стискиваю зубы, закрываю глаза. Раньше мне было страшно, я боялся, что отец сделает мне больно. Теперь боль – обычное дело. Теперь я ее не чувствую. Лениво оборачиваюсь, тупо смотрю на него, а он начинает орать, какой я козел и выродок. Уже через секунду его кулак врежется мне в лицо, и я даже не пытаюсь увернуться. Руки так и саднит, но я стискиваю их до крови, не могу заставить себя дать сдачи. А он бьет снова и снова, и глаза его становятся странного, рыжеватого цвета, будто наливаются огнем. Зажмуриваюсь от сильного удара по животу.

– Фрэнк, нет! – неожиданно за спиной отца появляется мама. Не хочу ее видеть, не хочу, чтобы он сделал ей больно. – Прекрати, хватит! Фрэнк!

– Отвали!

– Фрэнк! Прошу тебя, умоляю, не надо!

– Ты, щенок, за все заплатишь, слышишь? – папа резко хватает меня за горло и ударяет о стену так сильно, что в голове выстреливают краски. – Ты найдешь деньги и вернешь мне все до последнего цента! Понял?

Я молчу. Тогда он вновь – под крик мамы – врезает мне по животу.

– Понял?

– Да.

– Не слышу?

– Да!

Оковы исчезают. Я обессиленно облокачиваюсь о перила и улавливаю плач мамы за закрытой дверью. Слава богу, он не тронул ее. Вытираю окровавленные губы. Затем, шаркая, сбегая вниз по лестнице и вырываюсь на улицу. Прохладный, вечерний воздух приятно успокаивает саднящие раны на лице и руках. Я безвольно откидываю назад голову и думаю о том, как чертовски сильно печет спину. Что ж, сегодня отец разошелся жестче обычного. Но ничего страшного. Я привыкну и к такой боли.

Запрыгиваю на мотоцикл и еду на вечеринку Пола Оуэнса. У него шикарный дом, огромная веранда, куда на тусовках выкатывают с десятков бочек пива. И это отличная возможность забыть о том, что случилось, хотя бы на несколько часов.

В доме полно людей. Они орут, смеются, кричат. Однако когда я иду мимо – тут же расходятся в стороны. Что ж, репутация у меня что надо. Яркие огни прорезают темноту. На всю играет музыка. Я подхожу к столу с выпивкой и наливаю виски.

– Может, начнешь с пива? – Пол не стоит на ногах. Его качает и лицо у него ярко-пуанцового цвета. Мы вместе ходим на занятия по физической подготовке, несколько раз нас ставили в пару. Видимо, теперь он решил, что мы закадычные друзья.

– Чем быстрее, тем лучше.

– Развлекайся, брат!

Он довольно обнимает меня за плечи. Уверен, завтра Оуэнс с содроганием сердца будет вспоминать об этом моменте, и не поднимет с пола своего трусливого взгляда.

Почему-то этот факт меня смешит, и я усмехаюсь.

Собираюсь выйти на улицу и позвонить Максу, как вдруг замечаю девушку. Она сидит на диване, окольцованная двумя какими-то пьяными в стельку парнями. Держит на коленях руки, нервно потирает ими колени: волнуется, пусть и пытается выглядеть непринужденной. А парни все говорят и говорят, ржут, как лошади. Незнакомка им улыбается. Но кого она обманывает? С таким лицом, я обычно прощаюсь с отцом по утрам, желая его скорейшей кончины.

Не знаю, что на меня находит. Может, виски ударяет в голову. Я вдруг подхожу к дивану и отрезаю:

– Выметайтесь.

– Трой, но..., – нервно хохочет один, – мы просто тут...

– Ты не слышал, что я сказал?

Девушка хлопает ресницами. Наблюдает за тем, как два парня вскакивают на ноги, и переводит на меня взгляд. Красивый, сосредоточенный взгляд, который не просто осматривает мою внешность, но и оценивает совершенный поступок.

Сажусь рядом с ней. Она тут же отодвигается немного в сторону. Видимо, решила, что неприятности у нее только начинаются. Я усмехаюсь.

– Страшно?

– Твой разбитый нос и татуировки не внушают доверия.

Удивленно вскидываю брови. Давно со мной так не разговаривали. Привыкли, что затем следуют огромные проблемы.

– Ты новенькая, – наконец, доходит до меня.

– Как же ты догадался?

– Телепатия.

– О, – она кивает. Затем со вздохом поправляет волосы и расслабленно опускает плечи. Тонкие, бледные плечи, на которых едва держатся лямки легкого платья. – А ты здешняя знаменитость?

– Возможно.

– И рассеченное недавно лицо – последствия деланной показухи?

– Не боишься так сом мной разговаривать?

– Я уже ничего не боюсь. Сегодня столько всего случилось, что впору писать книгу. Меня бросила подруга: ушла наверх с каким-то парнем и даже не предупредила! Затем я оказалась зажатой между двух смердящих идиотов, которые так громко орали, что мои уши до сих пор пульсируют.

– А теперь? – я почему-то дергаю уголками губ. Не знаю, с какой стати меня так забавляет разговор с этой незнакомкой: от того, что она красивая, или от того, что она понятия не имеет, кто я такой.

– А теперь, – подыгрывает она, хлопая черными, густыми ресницами, – какой-то парень пытается испугать меня своими детскими угрозами.

– Детскими угрозами? А ты смелая.

– Скорее глупая. Не знаешь, где тот парень, у которого все ключи? Я хочу поскорее вернуться домой, а он, будто сквозь землю провалился.

– Вообще так и есть. Чед собирает ключи, а затем закрывается в подвале с какой-нибудь пьяной цыпочкой. Его часов до четырех искать бессмысленно.

– Отлично, – девушка устало протирает руками лицо и откидывается назад. Ее глаза закрываются. Волосы падают с плеч. Я наблюдаю за ней и не могу оторваться. – Скажи, если его увидишь, хорошо? Я буду здесь.

Отпиваю виски. Отворачиваюсь, думаю, куда бы пойти, но затем вдруг ловлю себя на мысли, что не хочу уходить.

Вновь смотрю на незнакомку и хмыкаю: удивительно.

– А ты, – неуклюже прочищаю горло, – ты не любишь вечеринки?

– Не люблю сидеть одна.

– Но ты ведь не одна.

Девушка раскрывает глаза и неожиданно улыбается. Она подсаживается чуть ближе и спрашивает:

– Болит?

– Что?

– Твой нос. Рана кажется совсем свежей. Надо приложить что-то холодное, иначе завтра будет огромный, синюшный отек.

– Заживет.

– Вот, держи, – незнакомка достает из миски с растаявшим льдом бутылку пива и протягивает ее мне. Видит, что я не двигаюсь, и тогда сама приставляет ледяное стекло к напухшей ране. Ничего более странного со мной еще не происходило. – Не понимаю, зачем вы это делаете.

– Что делаем? – гляжу на девушку, не отрываясь. Вижу, как она сосредоточенно облизывает губы, рассматривая мои синяки.

– Неужели авторитет зарабатывают лишь подобным образом?

– Я ничего себе не зарабатываю.

– Тогда зачем дерешься?

Это запретная тема. Опускаю ее руку и крепко стиски-

ваю зубы.

– Мне это нравится. – Вру я. – Что страшного в том, что я сильнее остальных? Это их проблемы. Не мои.

– Ты еще и самодовольный.

– И довольно симпатичный.

– И пьяный, – незнакомка вздыхает. Затем понимается с дивана и перекидывает через плечо сумку. – Пойду пешком.

Не хочу показывать своего разочарования, и поэтому лениво улыбаюсь.

– Пешком? На улице полно опасностей, милая. Ты и с двумя богатенькими сынками не управилась. Что будет, если тебя заметят настоящие мужчины?

– Настоящие мужчины? – прыскает она. – Что ж, когда увижу настоящего мужчину, дам тебе знать.

– И ты, правда, пойдешь одна?

Незнакомка улыбаясь, идет к выходу, однако я не хочу, чтобы она уходила. Что за черт со мной творится? Напряженно гляжу ей в след, прокручиваю в голове наш разговор, слышу, как дико в груди барабанит сердце, и вдруг усмехаюсь.

Не знаю, что на меня находит. Я поднимаюсь с дивана и уверенно иду за ней.

Я выхожу из душа, одеваюсь и подхожу к заранее при-

готовленному марлевому бинту. Аккуратно обматываю ладонь, саднящие костяшки и стискиваю зубы. Сегодня я как никогда выпустил пар, теперь пальцы на руках едва чувствую.

В дверь стучат.

– Заходи. – Быстро прячу аптечку и, не поднимая глаз, усмехаюсь, – пришел меня проверить, мамочка?

– Делать мне больше нечего, – Джейк по-хозяйски плюхается на диван. Не люблю, когда кто-то приходит ко мне домой без спроса, однако Джейку можно многое простить. Он единственный, кто не засыпает меня лечебными речами. – Сегодня все в силе?

– Да, будем играть против Джо. Надеюсь, принести крупную сумму.

– Ты всегда приносишь крупную сумму. Поэтому и позволил себе квартиру, вместо того чтобы как все смертные прохладиться в общежитии. Кстати, что на тебя нашло?

Выдыхаю. Видимо, я погорячился, и Джейка тоже не стоит впускать так просто.

– Когда нашло?

– Не прикидывайся. Что это была за девчонка? – парень чешет нос и издевательски лыбится. – Ты с катушек вроде слетел. Унесся куда-то. Вы знакомы?

– Были.

– И это все? А как же душещипательная история о том, как...

– Джейк, – я перевожу на него уставший взгляд, – не стоит, правда. Я не хочу об этом говорить.

Парень усмехается. Он привык к тому, что я редко изливаю душу, все мои знакомые к этому привыкли. Однако игры в пивном баре Тима приносят неплохие деньги, и поэтому Джейк не ушел на боковую, отстреливая каждые выходные несколько сотен.

Ему это выгодно, а мне есть с кем осушить пару стаканов. Взаимовыгодное сотрудничество. Для иных людей – дружба.

– Как собираешься играть, когда... – он косится на мои перебинтованные руки.

Я пару раз пробую пошевелить пальцами. Они до сих пор едва двигаются, но боли я не чувствую. Я уже давно ничего не чувствую.

– Сойдет.

– Принцеска, это бильярд, а не пасьянс.

– Джейк, я же сказал все в норме. Лучше налей что-нибудь.

Слежу за тем, как парень идет на кухню, а сам сажусь в кресло. Голова невольно опускается вниз. Подпираю ее руками и вздыхаю: если бы я знал, чем все кончится, ни за что бы, ни подошел к Китти Рочестер два года назад.

КИТТИ

Стелла сидит на скамейке около главного входа в университет. Она увлеченно читает, то и дело теревбит медовые волосы и, кажется, совсем меня не видит. Но я должна подойти к ней. Подойти и извиниться, что не менее важно.

– Стелла! – останавливаюсь перед блондинкой в нескольких шагах. Девушка тут же поднимает на меня удивленный взгляд. – Ты не занята?

– А тебя это остановит?

– Не особо. – Усмехаюсь и сажусь рядом. Соседка закрывает книгу и полностью оборачивает ко мне свое удивительно-красивое лицо. И даже рыжеватые веснушки его не портят. – Я хотела извиниться за то, что нагрубила тебе на днях. У меня голова пошла кругом, и сейчас мне очень стыдно.

– Да брось. Вы – американцы – всегда излишне эмоциональны. Сам Энтони Гидденс, который, если ты не знаешь, великолепный *английский* социолог, говорил о вашей странной манере все преувеличивать.

– Ну, если так сказал сам Энтони Гидденс.... В любом случае, мне жаль, что я тебе нагрубила. Я не всегда была такой стервой.

– И мне когда-нибудь удастся узнать причину подобного изменения?

– Не знаю.

– Все так плохо?

Пожимаю плечами. Плохо ли? Наверняка, существуют проблемы посерьезнее моих душевных скитаний. Но оттого

жить легче не становится.

– Знаешь, в одном я уверена, тебе просто хорошенько досталось. Сама по себе ты хорошая девушка. Иначе бы так не волновалась. Плохие люди не переживают. Плохим людям вообще на все плевать, и я говорю тебе об этом, основываясь на личном опыте.

– Ты не просто так уехала из Ливерпуля? – удивляюсь я. – Что-то случилось?

– Не то, чтобы прямо случилось. Просто я перешла черту, злоупотребила любовью родителей. В любом случае, мне понятны твои чувства, Китти. Все мы бежим от чего-то.

Я усмехаюсь. Удивительно, что жизнь свела меня именно с этой девушкой. Такими темпами, я и вправду поверю, что на все есть своя причина! Мы еще немного болтаем, а затем устало плетемся в здание. На этот раз предметы у нас разные. Стелла пойдет на ненавистный мне французский язык, а я – на литературу. Не очень хочу с ней прощаться.

– Увидимся в кафе, – подмигивает блондинка. Кажется, кафе у нас – точка номер три: под первым пунктом, кинотеатр, а под вторым – библиотека, что удивило меня не меньше появления Троя. Кафе расположено близко к общежитию, и там неплохой Латте, который терпеть не может Стелла, но обожаю я. – Или сначала забеги за мной в общагу.

– Хорошо. Пока!

Киваю ей и со вздохом иду в сторону нужного кабинета. Зачем я только вспомнила о Трое? Опять грудь неприятно

сдавливает. Стискиваю перед собой книжки и плетусь в кабинет, как на казнь, уже предчувствуя нечто плохое. Сейчас мы учимся воздействовать на публику. Иными словами, мистер Илиган предлагает – точнее заставляет – прочитать отрывок из какого-нибудь более-менее современного произведения. Наша главная задача воздействовать на аудиторию таким образом, чтобы люди или начали смеяться, или уподобились внезапному молчанию, или разревелись – что полная чушь, по моему мнению, или вдруг задумались над каким-то животрепещущим вопросом. В прошлый раз девочка читала отрывок из произведения Пауло Коэльо «Вероника решает умереть». Читала тот самый момент, когда главная героиня, наконец, решает покончить с жизнью, берется за таблетки. И все эти несчастные несколько минут аудитория похихикивала и засыпала, пока бедная Аманда стояла с трясущимися руками у трибуны и заикалась. Не хочется повторить ее подвиг.

Захожу в кабинет. Сегодня нас больше, чем обычно.

Оглядываюсь, ищу свободное место и неожиданно замечаю *его*.

– О, нет, – слетает с моих губ. Первый порыв просто сорваться с места и унести как можно дальше. Какого черта он здесь забыл! Трой МакКалистер старше меня на два года, а значит, не должен идти со мной в одном потоке. Это бессмыслица!

Будто прочитав мои мысли, мистер Илиган восклицает:

– Сегодня я слегка усложняю вам задачу. Будете читать отрывок не только перед своими однокурсниками, но и перед старшими ребятами.

Я покрываюсь красными пятнами. Радуюсь, что Трой меня не видит, и шмыгаю на третий ряд. Парты у нас совмещенные, длинные. Они тянутся далеко ввысь класса и оканчиваются где-то у потолка; оканчиваются там, где сидит *он*.

Когда звенит звонок, меня передергивает. Сердце стучит так дико, что я не могу нормально дышать. Складываю на коленях ладони, с силой сжимаю их, приказываю себе не оборачиваться, не шевелиться.

– Боишься? – спрашивает меня Аманда. Я и не заметила, что села с ней рядом.

– Ага. Немного.

– Не переживай так. Я практически забыла о своем позоре. В конце концов, есть вещи и пострашнее общественного унижения.

Если она так думает, она ничего не знает о жизни. Быть отвергнутой ровесниками – это как быть сорняком, посреди благоденствующего, цветущего поля. Его жизнь гадкая и короткая. И ему приходится претерпеть столько унижений, что никакие иные проблемы в сравнение не идут.

Сосредотачиваю внимание на лекции. Прежде чем перейти к издевательствам, мистер Илиган объясняет теорию, повторяет элементы и способы воздействия, и я пишу каждое его слово, усердно сжимая в пальцах ручку, будто пытаюсь

не только оставить на листке чернила, но и разорвать тетрадь к чертовой матери. Потом плавно отхожу от букв и начинаю вырисовывать круги, квадраты, треугольники. Зажмуриваюсь и поправляю рукав джинсовой куртки. То, что осталось у меня на запястье, режет похлеще кончика ручки.

Вдруг чувствую, как Аманда резко пинает меня в бок.

– Что? – смотрю на нее, и вижу, как та косит в сторону преподавателя. О, Боже.

Оборачиваюсь. Мистер Илиган стоит прямо перед моим носом и улыбается. На самом деле, я верю в то, что он хороший человек, просто немного любит издеваться над людьми, поэтому и подался в преподаватели.

– Наверно, вам не терпится ответить, мисс Рочестер?

– Нет, – подавленно шепчу я, – правда. Я слушала вас, записывала.

– Отлично, в таком случае вам будет проще, чем тем, кто витал в облаках.

Он все-таки издевается. Однако я и так уже чересчур напугана, чтобы ужаснуться сильнее. Сглатываю. Спускаюсь следом за учителем и могу думать лишь о том, что *он* меня заметил. Теперь Трой знает, что я здесь. Не оборачивайся. Не оборачивайся!

Я поднимаю глаза.

Трой смотрит на меня. На его лице все та же холодная маска, и мне становится так паршиво, что нос покалывает. Главное, держать себя в руках. Я отворачиваюсь, сжимаю в ку-

лаки ладони и смотрю на мистера Илигана, будто сумасшедшая.

– Нет смысла волноваться, мисс Рочестер, – растерянно подбадривает он, – это всего лишь отрывок. Вас никто не укусит.

– Я и не волнуюсь.

Голос не слушается. Я говорю то громко, то тихо. Выбираю один из перевернутых листков и задерживаю дыхание.

– Оно совсем короткое.

– Значит, вам повезло.

Я пробегаю глазами по тексту и понимаю, что дышать нечем. Вновь. Опять. Я стою посреди кабинета и не могу открыть рот, как не пытаюсь.

– Мисс Рочестер, мы ждем.

Меня покачивает. Бледные пальцы с силой сжимают листочек, и уже через пару секунд он покрывается легкими, изогнутыми трещинами. Я набираю толику воздуха в грудь. Невольно поднимаю взгляд и вижу ухмылку Троя. Однако я слишком хорошо его знаю. За этой полуулыбкой стоит целый калейдоскоп чувств.

– Я заговорил об этом, потому что, – запинаясь. Облизываю сухие губы и нервно переминаюсь с ноги на ногу. Робко пробую еще раз. – Я заговорил об этом, потому что за последние недели мог убедиться, какое это чудо – быть вместе. Я не могу их больше выносить, – сглатываю, – эти получасовые встречи. Я хочу больше получать от тебя. Я хочу, чтобы

ты постоянно была со мной, мне надоели эти хитроумные прятки любви, они мне противны, они мне не нужны, мне нужна ты. Ты и только ты! Мне никогда не хватит тебя, и я... – голос надрывается, – я не хочу обходиться без тебя и минуты.

Руки опускаются вниз. Легкие сдавливают невидимый прут. Я вновь смотрю на Троя, но он отводит взгляд, и мне ничего не остается, кроме как прошептать:

– Можно выйти?

Не дожидаясь ответа. Кладу смятый листок на его стол и покидаю аудиторию, мечтая избавиться от всего, что причиняет такую боль.

ТРОЙ

Поднимаю глаза только тогда, когда за ней захлопывается дверь.

Кажется, лишь теперь я могу дышать. Кулаки разжимаются, плечи падают вниз.

– И что это было? – Джейк едва ли шепчет: присутствие мистера Илигана ничуть его не заботит. – Это же та девчонка из кафетерия.

– Да.

– И она разревелась?

– Не знаю.

– Унеслась прочь, как ненормальная!

– Ты сам все видел, – нервно дергаю наручные часы.

Я схожу с ума – только непонятно от чего. Все пытаюсь быть тем, кем был еще несколько дней назад, но не выходит. Сейчас все иначе. Сейчас *здесь она*. Но я не хочу испытывать того, что когда-то уже чувствовал! Я проходил через это, а избавляться от ощущений – совсем непросто. Я потратил ни один день на что, чтобы выкинуть Китти Рочестер из своей головы. И что теперь? Она вновь управляет мной, будто марионеткой. Ловит мой взгляд, а я лишь с чертовски безумным усилием отвожу его в сторону. Это неправильно. Это не то, чего я хочу. Ни сейчас. Ни когда бы, то ни было еще.

Встаю с места.

– Ты куда?

– Схожу покурить.

Учитель растеряно наблюдает за тем, как я картинно покидаю аудиторию. Хлопаю дверью и несусь по коридору, одержимый лишь мыслями о ней; лишь картинками ее лица, и рук, и звуком ее голоса. Я не видел Китти два года. Но сейчас время испаряется. Мы будто бы и не расходились. Будто бы я и не уезжал. А то, с какой обидой она читала отрывок Илигана? Лучше бы я сдох, но не видел ее глаз. Лучше бы мы никогда друг друга не знали. Тогда сейчас жить было бы проще.

Останавливаюсь уже на улице и зажигаю сигарету: пагубная привычка, к которой меня прирастили еще в школе. Затягиваюсь. Выдыхаю дым и вновь срываюсь с места, про-

должая идти в неизвестном направлении. Лишь бы подальше отсюда. Добиваю одну сигарету, достаю другую. Закуриваю и собираюсь к черту вернуться домой, как вдруг замечаю Китти.

Она сидит на скамье под деревом. Смотрит на свои руки и не двигается. Словно окаменела. А я хочу уйти. Уже разворачиваюсь – медленно, тягуче, неторопливо, потому что это сложно: сложно от нее отворачиваться, – как вдруг наши взгляды встречаются.

Китти воинственно выпрямляет спину. Она больше не та пугливая девушка, которая выбежала из аудитории. Больше не та девушка, которую я знал. Может, я ошибся. Может, теперь все иначе.

Не знаю, что сказать. Лениво отбрасываю в сторону сигарету, иначе она прожжет мне пальцы, и почему-то дергаю уголками губ.

– Привет, Китти. Отлично отчитала задание, кстати.

Она не отвечает. Поднимается, сокращаем между нами дистанцию и вдруг со всей силы влипает мне пощечину. Я удивленно усмехаюсь.

– Ого, какая страсть.

– Смешно? – шипит она и размахивается вновь. Однако на этот раз я перехватываю ее запястье в воздухе. – Отпусти меня.

– Все такая же глупая, – улыбаясь, шепчу я, – или все-таки смелая?

– Не говори со мной.

– Я буду делать то, что хочу.

– Хочешь? – изумленно переспрашивает она. В ее голубых глазах столько обиды, столько горечи и злости, что мое тело воспаляется. Я подхожу ближе, оказываюсь в нескольких сантиметрах от ее лица, но вдруг чувствую удар в грудь. – Не подходи.

– А разве не об этом ты мечтала все эти два года?

– Единственное, чего я хотела – так это забыть о тебе, Трой. Раз и навсегда.

– Ну, и как, вышло?

Она отшатывается назад и смотрит на меня таким взглядом, каким никогда раньше не смотрела. С презрением и чистейшим гневом.

– Ты уедешь отсюда, рано или поздно, ведь тебе ничто не важно, Трой. Ты человек без целей, без планов. Вновь исчезнуть – не проблема, верно?

– Ты на что-то намекаешь?

– Не намекаю, а хочу. Хочу, чтобы ты ушел.

– С чего вдруг? – завожусь я. Сам ведь знаю, что пора уносить ноги, но согласиться с Китти – недопустимый поступок. – Меня здесь все устраивает.

– Ты не поспеешь.

– Считаешь?

– Нет, Трой, господи, остановись на минутку! – просит она и неожиданно впивается пальцами в мои плечи. Теперь я,

действительно, не в состоянии шевельнуться. Мое тело реагирует на ее касания мгновенно, невольно, пылко. – Ты не можешь так поступить.

– Как?

– Ты ведь уехал, уже исчез из моей жизни. Так сделай это вновь, пожалуйста.

– Сама уезжай.

– Трой.

– Мое имя все так же сладостно звучит из твоих уст, – еле слышно проговариваю я, но Китти отворачивается, морщится и прикрывает ладонью глаза, стараясь оградиться от меня как можно дальше.

– Это просто невысказано, – шепчет она. – Как такое возможно? Из всех университетов, ты выбрал именно этот!

– Может, это *ты* выбрала его?

– Почему ты это делаешь?

– Что делаю, Китти? В чем я опять не прав? Сменить университет лишь от того, что моя сумасшедшая бывшая оказалась на пороге? Живи дальше! Какая разница: рядом я или нет? Наши отношения в прошлом. Теперь ничего не имеет значения.

Не знаю, откуда во мне столько слов. Когда я заканчиваю, внутри становится пусто. Промозгло. Я тяжело дышу. Гляжу на Китти, жду ее ответа и почему-то надеюсь, что она со мной не согласится, но Китти молчит. Я вновь причиняю ей боль. Так ведь было всегда. Я совершенно случайно появил-

ся в ее жизни, отравил все, к чему прикоснулся, забрал то, что мне никогда не принадлежало, а затем просто ушел.

Во всяком случае, Китти уверена, что мне не составило труда завести двигатель байка и умчаться за горизонт. Я постоянно так делал. Побег – часть моего существования.

Но только не в этот раз.

Не в случае с этой девушкой.

– Пока, Трой.

Едва сдерживаю порыв схватить ее за руку. Что со мной творится? Вижу, как она отдаляется, и ощущаю себя глупым мальчишкой, который вновь теряет из-за нее голову. Но это дико. Она не нужна мне. И я ей не нужен. Мы жили отдельно два года, я ушел, и Китти никто для меня. Киваю сам себе и вновь достаю сигарету. Иду куда-то, не вижу дороги, и вдруг мне кажется, что Китти смотрит мне в спину. Оборачиваюсь.

Нет. Показалось.

КИТТИ

Я врываюсь в комнату, чем немало пугаю Стеллу. Она роняет на пол книгу и уже собирается ругаться, когда я шепчу:

– Мне нечем дышать.

– Что?

– Стелла, мне... – крепко зажмуриваюсь, – мне нечем дышать. Я не могу. Я...

– Китти, ты чего? Тебя трясет. Китти!

Два года назад

– Ты и Трой МакКалистер! – восклицает Фей и хмыкает. – О, Боже, Катарина, не падай так низко. Он же ненормальный.

– Не говори так.

– Очнись, детка. Семейка у него чокнутая. Отец – заядлый алкоголик, мать живет, будто узница. Общаться с Троем – только притягивать неприятности.

– Ты его совсем не знаешь. Да, и вообще, если бы ты не свалила с вечеринки, я бы с ним не познакомилась.

– В таком случае, я искуплю свои грехи, избавив тебя от его влияния. Трой – псих. Ходят слухи, будто у него не все дома, будто он специально дерется, а когда не выходит – причиняет себе увечья. Его лицо ведь постоянно в ранах.

– Не говори глупостей, – не собираюсь слушать подобную несуразицу. Какой бы сложной не была ситуация у него в семье, Трой – не псих. Я знаю. – Ты хотя бы раз с ним общалась, чтобы так говорить?

– Защитница нашлась, ей богу!

Мы идем вдоль улицы. Дорога до школы всегда проходит быстро, если с утра на пороге появляется Фей. Обычно она рассказывает свежие сплетни. На данный момент, свежие сплетни – я и мои отношения с самым опасным парнем на-

шего городка.

– Не совершай ошибок, – угрожает Фей. – Люди отвернутся от тебя, когда поймут, с кем ты водишься.

– Водишься?

Она говорит о нем так, будто он собака. Меня это не на шутку цепляет. Крепко стискиваю зубы и не замечаю, как вырываюсь вперед.

– Крис хотел пригласить тебя на танцы.

– Это его проблемы.

– Почему ты злишься? – с неподдельным ужасом вопрошает Фей. Она нагоняет меня и хватает за локоть длинными, изящными пальцами. – Я хочу тебе помочь, деточка. Ты знаешь Троя несколько недель, а я знакома с ним всю жизнь. Если девушки и стояли у него на пути, то только на коленях.

– Это глупо.

– Что глупо? Ты считаешь, МакКалистер – идеальный парень? Такой сильный и таинственный, однако, поверь, за грудой татуировок скрывается искореженный болван, у которого нет ни совести, ни принципов.

– В таком случае, хватит его обсуждать. Это мое дело – общаться с ним или нет.

– Как и мое дело, общаться с тобой или же перестать.

– Ты серьезно? – останавливаюсь около ворот школы и скидываю брови. – Мы перестанем дружить лишь от того, что я не называю МакКалистера придурком?

– В моих кругах Трой считается психом. Кто не с нами – тот против нас.

Во все глаза смотрю на Фей и понятия не имею, как реагировать. Что может быть глупее, чем то, что она пытается до меня донести? Пожав плечами, девушка уходит, а я недоуменно пялюсь ей в след, стараясь переварить информацию.

За весь день мы с Троем ни разу не встречаемся. Я вообще с трудом представляю, как он учится, отвечает у доски, делает домашнюю работу. Такое ощущение, словно этот парень должен заниматься совсем иными вещами. Например, чинить байки или набивать татуировки. Надеюсь увидеть МакКалистера в столовой, но замечаю пустое место рядом с Максом Купером – его другом – и расстраиваюсь. Куда же он пропал?

– Кого высматриваешь? – спрашивает Крис. Я и не заметила, как он присел со мной рядом. – Катарина?

– Просто задумалась.

– О чем? Или... – он хищно улыбается, – о ком.

– Точно не о тебе, Крис.

– Значит, о дикой псине.

– Что? – тут же отрываю взгляд от подноса. За столом становится тихо, и теперь все взгляды прикованы ко мне. Точнее к моей недовольной физиономии. – Что ты сказал?

– Когда ты уже успела проникнуться жалостью к этому выродку, Китти?

– А ты такой смелый лишь от того, что его нет рядом?
Крис смеется. Оглядывается друзей и вновь смотрит на меня лукавым, обиженным взглядом, ведь я попала в точку. Становится не по себе от неодобрения в глазах ребят.

– Вчера он подрался с моим знакомым, забрал у него пару сотен. Если вы так тесно общаетесь, может, наставишь его на путь истинный?

– Я не собираюсь делать ничего подобного.

– Должен же быть от тебя какой-то прок, Китти, раз ты до сих пор сидишь за нашим столом. Правильно?

– Что? – я чувствую себя глупой и наивной. Маленькой. Хлопаю ресницами и гляжу на Крису, как на восьмое чудо света. О чем он? Что ему нужно? Недоуменно отставляю в сторону стакан с водой и собираюсь встать, как вдруг он цепляется за мой локоть.

– Мы не договорили.

– Боже, Крис, – смеясь, ворчит Фей, –пусти ее.

– Не хочу.

– Хватит, – рычу я и пытаюсь вырваться. – Ты делаешь мне больно! Отпусти!

– С какой стати, Катарина?

– С той, что в противном случае, ты больше не сможешь ходить.

Растеряно оборачиваюсь.

Смешки за моей спиной стихают, когда рядом оказывается Трой МакКалистер. Парень небрежно сжимает в зу-

бах сигарету; та до сих пор дымится. На его лице играет легкая ухмылка, будто он слышал весь разговор и выжидал подходящего момента.

– Я не...

Договорить Кристиан не успевает. Трой делает шаг вперед, и я тут же оказываюсь за его спиной. Сначала замечаю каменное лицо Фей, затем дрожащие пальцы Миранды. И только потом до меня доходит, что красная физиономия Криса находится в нескольких сантиметрах от дымящейся сигареты МакКалистера.

Пожалуй, от того в столовой становится мертвенно тихо.

– О чем вы говорили? – холодным голосом интересуется Трой.

– Ни о чем.

– А мне так не показалось. Ты схватил Китти за руку.

– Я не...

– Знаешь, – МакКалистер выдыхает дым и неспешно наклоняет голову, – говорят, собаки выгрызают глотки тем, кто им не нравится. Думаешь, это правда?

– Я ничего не сделал! – Ноги Кристиана едва достают до пола, и он шаркает ими, будто пытается освободиться. – Отпусти, чувак, слышишь? Это не смешно!

– Я и не шутил.

– Мы лишь поболтали!

– Мне так не показалось.

– Трой, – шепчу я. От всеобщего внимания мне становится не по себе. Я неуверенно прикасаюсь пальцами к плечу парня и сглатываю. – Не надо. Все в порядке.

– Вот видишь! – кричит Крис. – Все хорошо, чувак. Все хорошо!

Трой разжимает кулак. Затем достает изо рта сигарету и ухмыляется.

– Знаешь, что это? Это сигарета. Таким идеальным мальчикам, как ты, родители не разрешают к ним прикасаться, но она самая настоящая, поверь. Она до сих пор дымит. И в следующий раз я потушу ее о твои руки. Запомнил?

– Никаких проблем, – хрипящим голосом отвечает Кристиан. Поправляет ворот рубашки и кивает. – Все ясно. Я услышал.

– Отлично. И не вздумай разочаровать меня.

МакКалистер поднимает с пола сумку и заботливо вешает ее мне на плечо. Я не могу даже вздохнуть. Иду с ним к выходу и едва не спотыкаюсь о собственные ноги. Что это вообще было? Он заступился за меня? Или за себя?

Осматриваю его темно-каштановые волосы, затем оцениваю широкую спину.

– Ты в порядке? – Я в состоянии лишь кивнуть. Мы идем еще пару минут. Потом Трой останавливается около подоконника и переводит на меня настороженный взгляд.

– Прости, – шепчу я. – Не думала, что ситуация выйдет

из-под контроля.

– Извиняешься за то, что какой-то парень распустил руки?

– Ты вовремя оказался рядом.

Он усмехается. Пристально разглядывает мое лицо и подходит немного ближе.

– На самом деле, я никуда и не уходил. Был на парковке. Ко мне подбежал Макс и сказал, что у тебя какие-то проблемы.

– Серьезно? – не ожидала ничего подобного от Купера.

– Еще бы.

– И что было потом?

– Я ринулся спасти тебя, милая, – Трой неожиданно оказывается совсем близко. Его взгляд путешествует по моим скулам, губам, а я ничего не могу с собой поделать, и жадно изучаю его голубые глаза. Никогда не видела таких. Яркие, почти бирюзовые. – Я должен признаться, Китти.

– В чем же? – Внезапно парень приподнимает меня. Я оказываюсь на подоконнике, прямо напротив его изогнутых губ, и судорожно выдыхаю. – Что ты творишь?

– Я подстроил все это. Договорился с Крисом и Максом...

– Да, что ты!

– Чего не сделаешь ради расположения девушки.

– Ты врешь, – улыбаюсь я.

Гляжусь перед собой: в эти красивые, небесные глаза и понимаю, что хочу утонуть в них. Непроизвольно поднимаю

руки. Кладу их на плечи парня и замираю. МакКалистер осторожно касается ладонями моих бедер, нежно проходится по ним пальцами, затем поднимает выше, к талии. Мы едва дышим.

– Знаешь, в одном я все же был честен. – Трой наклоняется еще ближе, и я готова поклясться, что слышу, как внутри вспыхивает пламя. – Почему-то я готов на многое, чтобы добиться твоего расположения, Китти.

Неопытными пальцами касаюсь его разбитой губы. Затем исследую скулы и шрам над бровью. Мне хочется притронуться губами к каждой его ране, хочется избавиться его от следов, от воспоминаний. Я чувствую, как Трой пылает, горит от мучающих его тайн, и я желаю помочь, сделать хоть что-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.